

ФИСКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И БЮДЖЕТ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В КОНЦЕ XV – НАЧАЛЕ XVI В.

В статье рассматривается фискальная политика Московского государства в отношении крестьянских хозяйств Новгородской земли после присоединения к Москве. Оцениваются бюджеты крестьянских хозяйств, положенных в разные доли налогообложения.

Ключевые слова: фискальная политика, Новгородская земля, крестьянское хозяйство, обложение, крестьянский бюджет.

После присоединения Великого Новгорода Московское государство получило обширнейшие владения, по размерам превосходившие его собственную территорию. Оценить размеры присоединенной территории и количество проживающего на ней населения позволяют новгородские писцовые книги. Московские писцы описали в них владения старых и новых владельцев, зафиксировали количество деревень и дворов, поименно назвали тяглых крестьян, величину их посева и покоса, промысловые угодья, указали «старый» и «новый» доход владельцев. Новгородские переписи имели важное государственное значение. По мнению Г.В. Абрамовича, они выполняли важнейшие административно-политические функции по введению учета и упорядочению поместного землевладения, а также фискальные задачи. В частности, во время переписи 1495–1505 гг. «было установлено твердое количество окладных единиц в области, и таким образом определена весьма важная доходная статья государственного бюджета» [2, с. 5]. Как подчеркивает Н.С. Борисов, Иван III после присоединения Новгородской земли провел своего рода инвентаризацию всех хозяйственных угодий и населения. Целью новгородских переписей было точное определение налогов и податей в соответствии с московскими нормами [5, с. 195].

Последовавшая после присоединения к Москве конфискация вотчин в Новгородской земле стала толчком к развитию на этой территории поместной системы. В отличие от вотчины, бывшей родовым, наследственным владением, поместье было владением временным,

---

¹ Степанова Лилия Геннадьевна, кандидат исторических наук, Академия маркетинга и социально-информационных технологий, liliya_stepanova@list.ru, Россия, г. Краснодар.

условным. Помещики сидели на пожалованных государем землях и только при условии несения военной службы могли рассчитывать на получение с них дохода. Подробные реестры крестьянских повинностей в пользу помещиков в фискальных описаниях Новгородской земли конца XV – первой половины XVI в., с точки зрения Б.Н. Флори, свидетельствуют о постоянном контроле за взаимоотношениями помещиков и крестьян. Поместья считались собственностью государства, которое строго следило за их состоянием и распределением. Более того, за вред, нанесенный хозяйственному состоянию поместий, помещика ожидало наказание [23, с. 65].

Оценка производственной мощности крестьянских хозяйств и положение их в тягло стало одной из главных фискальных задач новгородских переписей. Государство было заинтересовано в определении потенциальных возможностей налогообложения крестьянских хозяйств, составлявших основную массу производителей Новгородской земли. При проведении описания в Новгородской земле московские писцы использовали местную единицу налогообложения – обжу. Хорошо известно, что на вопрос великого князя Ивана III «что есть обжа», новгородцы ответили: «Три обжи – соха, а обжа – один человек на одной лошади орет»². Это вполне понятное для современника объяснение до сих пор вызывает споры, поскольку не дает ответа на вопрос, чем на самом деле была обжа – единицей земельной меры или единицей обложения.

Мнения ученых об обже существенно отличаются друг от друга. Под влиянием концепции С.Б. Веселовского часть ученых, изучавших писцовые книги, основным принципом обложения считала «посильность тягла». С.Б. Веселовский полагал, что пашня паханая не была главным признаком, определявшим размер обложения. С его точки зрения, в определении посильности тягла играли роль сразу несколько признаков, в том числе имеющиеся угоды, торги, промыслы и имущество. Дворы отличались друг от друга по своей силе. Писцы приравнивали их к определенной окладной единице, фиксируя имеющиеся у них представления об этой силе и сравнивая его с определенной нормой [7, с. 233]. Исследователь приходил, таким образом, к выводу, что объективно оценить посильность двора фактически невозможно, поскольку обложению подлежала тягловая сила этого двора, в большинстве случаев представлявшая тягловую силу одного дворохозяина. Поэтому писцы облагали каждый двор «по человеку глядя», оценивая на глаз, сможет ли он потянуть такой налог или нет [8, с. 79].

Подобный подход С.Б. Веселовского не позволял отойти от определенной условности при рассмотрении данных писцовых книг, преуве-

---

² Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853. С. 217.

личивал роль субъективного фактора в писцовом описании и ставил все описание в зависимость от добросовестности и опытности писцов. Весьма условной единицей оказалась при данном подходе и обжа. Соглашаясь с тем, что в самый начальный момент появления сошного письма оно все же базировалось на поземельном принципе обложения, С.Б. Веселовский считал, что в дальнейшем посошное обложение никогда не было поземельным [7, с. 13]. Обжа, по его мнению, никогда не было земельной мерой, оставаясь всегда условной единицей.

В то же время некоторые исследователи пытались обосновать объективные критерии, взятые за основу налогообложения. Одни из них считали таким критерием землю (П.А. Соколовский, А.С. Лаппо-Данилевский), другие – количество лошадей в хозяйстве (В.И. Сергеевич), третьи предлагали рассматривать обжу комплексно, учитывая количество земли в хозяйстве и другие признаки [19, с. 10; 16, с. 522; 13, с. 54]. Так, В.М. Владиславлев считал обжу податной пашней условных размеров, зависимой от количества рабочего скота [9, с. 230]. В.Ф. Загорский полагал, что существует некоторая зависимость обжи от качества почвы, но в то же время считал это отклонением от нормы [13, с. 323].

Б.Д. Греков выводил «обжу земли» из выражения «село земли», подразумеваемая под землей не только пашню, а весь хозяйственный земледельческий комплекс: пожни, лес, хмельники, перевесья, рыбные ловли [12, с. 230]. Введение новых окладных единиц, таких как лук и обжа, ученый связывал с задачами, стоящими в период описания перед государственными фискальными органами. Новые термины, по его мнению, оказались гораздо удобнее предыдущих, потому что одновременно обозначали платежеспособность лица и количественное выражение его хозяйственности. Для оценки оклада на месте они не вызывали никаких затруднений: «местное население легко переводило качество в количество и, подводя итоги, давало требуемые луки и обжи» [12, с. 232]. Обжу Б.Д. Греков считал типично окладной единицей, непостоянной по своему наполнению, которая характеризовалась соотношением количества рабочей силы к пространству и качеству эксплуатируемых угодий, прежде всего пашни [12, с. 252].

В дальнейшем Г.В. Абрамович высказал мысль, что обжа к середине XV в. стала самой мелкой земельной единицей, размер которой определялся возможностями однолошадного крестьянина [1, с. 372]. Он полагал, что согласно источникам XV–XVI вв. обжа выступает в самых разных формах, не только как единица обложения, но и как мера земли, как объект продажи, заклада [2, с. 18]. По мнению ученого, до середины XV в. в Новгородской земле основной окладной единицей была соха, обжа среди окладных единиц тогда не упоминалась. Однако во второй половине XV в. в связи с массовым распространением трехполья, применением навоза и усовершенствованием орудий

труда обрабатывать землю стало несколько легче. Из больших семей начали выделяться отдельные однолошадные хозяйства. В этот момент обжа была единицей обжитой земли и совпадала с малым односемейным двором. Позднее при выделении в отдельные хозяйства женатых сыновей им приходилось выделять пахотные поля и сенокосы. Эти земельные участки и стали называться обжей [2, с. 20].

С точки зрения Г.В. Абрамовича, размер обжи в домосковское время был неодинаковым, в южных районах — более крупным, чем на севере, где пахотной земли не хватало. В среднем, по его данным, на обжу приходилось от 8 до 12 десятин в трех полях, учитывая сенокос для одной лошади и хозяйственные постройки крестьянского двора. Во время переписи 1495–1505 гг. московское правительство провело нивелировку обжи и установило ее единый размер, равный 15 десятинам. Обжа превратилась из земельной меры еще и в единицу обложения, а также в единицу поместного оклада и верстания [2, с. 9]. Пройдя такую же эволюцию, как и соха, к концу XVI в. обжа растворилась в общерусской десятине.

Особая точка зрения была у В.А. Бурова, который высказал предположение, что «обжой» считалась не определенная земельная единица, а однолошадная упряжка. В пользу такой трактовки, по его мнению, свидетельствуют этимология слова (в системе крепления сохи к упряжке обжой называется один из ее конструктивных элементов) и то обстоятельство, что в XV в. обложению подлежали производственные комплексы (лук, чан, невод, црен). На взгляд ученого, перенос термина «обжа» с конской упряжки на обрабатываемый участок земли вполне объясним, так как крестьянский двор и конская упряжка немыслимы без земли [6, с. 47]. Обжа земли — это уже то количество земли, которое необходимо и достаточно для ведения хозяйства крестьянином, имевшим однолошадную упряжку. Первоначально это был оценочный термин, а не метрологический и лишь со второй половины XVI в. его можно считать единицей земельной площади. Как считал В.А. Буров, обжа XV в. была, во-первых, однолошадной упряжкой с сохой, производственным комплексом, который соответствовал крестьянскому двору, имеющему необходимое и достаточное количество земли для ведения хозяйства, а во-вторых, очень удобной фискальной единицей сбора дани, не требовавшей подсчета обрабатываемой земельной площади и облегчавшей московским писцам описание Новгородской земли.

Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России», учитывая первоначальное определение обжи — «один человек на одной лошади орет», полагали, что обжа соответствовала определенному земельному участку, который считался нормальным крестьянским наделом в данном районе и при данной системе земледелия [3, с. 26–27]. По их мнению, обжа была неточной земельной мерой, находившейся в некотором соответствии с дворовой запашкой [3, с. 29]. В некоторых районах

Шелонской и Водской пятин во второй половине XVI в. обжа действительно соответствовала 10 четвертям пашни в поле. Однако в Обо-нежской и Деревской пятинах размер обжи был гораздо меньшим. Постоянной величиной обжа становится к концу XVI в., когда ее по-всеместно приравнивают к 10 четвертям тяглоу пахотной пашни или примерно 15 десятинам в трех полях [4, с. 13].

Вопрос о том, можно ли буквально воспринимать трактовку обжи как «один человек на одной лошади орет» в своей совместной с Н.А. Горской работе, посвященной перспективным направлениям изучения аграрной истории Северо-Запада России, поставил Л.В. Милов, не согласившийся с тем, что это понятие включает в себя объем простых физических возможностей лошади и крестьянина [11, с. 70]. С его точки зрения, подобная трактовка обжи позволяла допустить наличие у крестьян в XV – начале XVI в. весьма больших земельных наделов, достигавших 10 десятин пашни в трех полях. Это вызывало сомнения, поскольку в последующие столетия размер пахотного поля у однолошадного крестьянина был гораздо меньшим.

Л.В. Милов предложил рассматривать обжу комплексно, учитывая практические, а не теоретические возможности однолошадного крестьянина, взятые в целом в сложном сельскохозяйственном цикле. Он подчеркивал, что именно «комплексность понятия «обжа» позволяет трактовать ее как некую обобщенную единицу, символизирующую мощность и платежеспособность однолошадного крестьянина» [11, с. 70]. Подобная трактовка позволяла объяснить значительные колебания коробей ржи в расчете на обжу, зафиксированные в новгородских писцовых книгах. Л.В. Милов предположил, что все в данном случае зависело от качества земли. Если обжа не была точной единицей земельной площади, то она могла быть достаточно точной единицей обложения. Вполне вероятно, что «к обже как примерному эталону сферы действия производственных возможностей нормального однолошадного хозяйства могли быть приравнены эквивалентные по своему плодородию земельные комплексы того или иного хозяйства с пашней и в 1,5 коробей, и в 2, 3, 4, 5 и да же в 6 коробей в поле, а в «дву потому ж»» [11, с. 71].

Проведенное нами исследование, основанное на статистической обработке массивов данных новгородских писцовых книг, позволило установить, что обжа в конце XV – начале XVI в. выступает в виде довольно гибкой окладной единицы, учитывающей при определении платежеспособности производственную мощность крестьянского хозяйства в зависимости от особенностей каждой местности и уравнивающей по тягелоспособности различные типы хозяйств [21, с. 230]. Вывод сделан на основании результатов статистической обработки хозяйственных показателей 7195 отдельно описанных крестьянских дворов всех пяти пятин Новгородской земли, что составляет 18,9 % от всего их количества, достигающего по разным оценкам от 37 тыс. до

38 тыс. дворов [22, с. 120–234]. При данной статистической обработке крестьянские дворы сначала были сгруппированы по обжам, а потом уже по величине запашки – группам, куда входили одинаковые по тягловоспособности крестьянские хозяйства.

Ранее исследователи вполне логично предполагали, что на больших по размеру участках пашни крестьянские хозяйства получали гораздо больший валовой урожай, а также вполне закономерным считалось и отнесение к зажиточным крестьянским хозяйствам тех дворов, в которых сеялось больше зерна. Не вызывали в данном случае сомнения и построения на основании размера запашки модели бюджета среднего крестьянского хозяйства Новгородской земли [3, с. 363–367]. Однако подобные бюджеты давали основание говорить о широком распространении в конце XV – начале XVI в. в Новгородской земле зажиточных дворов [10, с. 331; 11, с. 66–85]. Это, в свою очередь, позволяло предполагать, что выделение из крестьянской среды богатой верхушки «могло при определенных условиях создать предпосылки для появления в будущем крестьянской буржуазии» [3, с. 371].

Исследование, основанное на выделении из массива данных новгородских писцовых книг сначала крестьянских дворов, несущих одинаковое налоговое бремя, а потом уже подробное изучение хозяйственных характеристик внутри каждой группы крестьянских дворов, различающихся по налогообложению, позволило выявить, что обежное обложение в конце XV – начале XVI в. в неявном виде учитывало принцип «одабривания» земель, который помогал компенсировать невысокое качество земли ее количеством. Такой подход позволял уравнивать по тяжести налогов крестьянские дворы, расположенные на землях, отличающихся друг от друга по своему плодородию, т.е. изначально поставленные в разные условия существования.

Крестьянские дворы, положенные в одинаковые доли обжи, представляют собой группы хозяйств, которые находятся в примерно равных условиях, но отличаются между собой, как по размерам запашки, так и по запасам сена. Если в расчете на обжу, как единицу обложения, запашка оказывается примерно одинаковой (она находится в небольшом интервале), то запасы сена при переходе от малообежных дворов к многообежным уменьшаются. За этим скрывается включение в обжу, как единицу налогообложения, больших по площади размеров земли. В менее платежеспособных группах крестьянских дворов в расчете на обжу посева размеры земли оказываются крупнее, чем в более платежеспособных группах дворов, скрывая тем самым большую по площади запашку малоплодородной земли. Лишь при такой трактовке обжи можно объяснить парадоксальную ситуацию, когда крестьянские хозяйства с большей запашкой в поле облагаются в гораздо меньшем размере, чем хозяйства, имеющие небольшое количество пашни.

Весьма интересными оказываются результаты расчета зерновых бюджетов крестьянских хозяйств. К сожалению, обсчитать все статьи доходов и расходов крестьянской семьи в XV–XVI вв. из-за отсутствия данных не представляется возможным. В данном случае можно опираться только на сведения писцовых книг о посевах хлебов и вычислительные данные о расходах крестьянской семьи на основные продукты питания и фураж. Сведения о количестве коробей посева характеризуют земледельческую основу крестьянского хозяйства и стоят в описании на первом месте. Они свидетельствуют, как правило, о посеве ржи, но имеют в виду и наличие двух других полей: одного под паром, а другого с посевом яровых хлебов. Число коробей высеваемой ржи может дать представление о размерах крестьянской запашки. В наших расчетах одна коробья ржи приравнивается к 7 пудам, коробья овса – к 4,7 пуда, коробья ячменя – к 6 пудам, коробья пшеницы – к 7–8 пудам [3, с. 31–32]. Поскольку в конце XV в. на большей территории Новгородской земли удельный вес пшеницы в оброчном зерне составлял только 5–8 % [3, с. 344–345] и вес одной коробьи пшеницы был почти равен весу одной коробьи ржи (7–8 пудов), пшеница в расчетах отдельно не выделяется. Средняя численность двора с одной мужской душой определяется в 5 человек. Норма потребления хлеба – в 3 четверти или 24 пуда на душу обою пола. В эту цифру исследователи включают расход и на продовольственные и хозяйственные нужды [14, с. 3; 17, с. 387–389; 18, с. 238, 243].

В составленных нами таблицах группировки крестьянских дворов по долям обложения проявляются одни и те же закономерности. С увеличением посевов на двор и собираемых урожаев увеличивается налогообложение крестьянских хозяйств. Вместе с ростом обложения зерновой бюджет имеет тенденцию перехода от дефицитного к бездефицитному, увеличивается остаток зерна после вычета семян и расходов на хозяйственные нужды. В то же время посевы на обжу при разном обложении оказываются примерно одинаковыми. С ростом обложения прослеживается тенденция увеличения количества мужских душ на крестьянский двор, фактически это означает, что во дворах растет число работников. Одновременно с увеличением мужских душ в хозяйстве растут и хозяйственные показатели на двор.

В крестьянских дворах, несущих одинаковое налоговое бремя, также прослеживаются определенные закономерности. Крестьянские хозяйства в них находятся в равных условиях, но отличаются по посевам на двор, от которых в свою очередь зависят валовые урожаи и зерновые бюджеты крестьянских хозяйств. Во всех новгородских пятинах в каждой группе крестьянских дворов, облагаемых налогами одинаково, выделяется основной массив хозяйств с примерно одинаковыми посевами. Вместе с тем в пообезной группе присутствуют хозяйства с меньшими и большими посевами. Так, в Шелонской пятине в полюбезных дворах основную массу составляют дворы с запашкой от 3 до 4

коробей, но присутствуют и дворы с запашкой 1, 2 и 5 коробей. В однообезных дворах основную массу составляют дворы с запашкой от 4 до 5 коробей, но присутствуют дворы с запашкой 2, 3, 6 и 7 коробей. В полуторообезных дворах большинство хозяйств сеют 6—7 коробей, но здесь также имеются дворы с посевом 4, 5, 8 коробей и единичные дворы с посевом 1, 9, 10, 12 коробей. В двухобезных дворах большинство сеет от 6 до 10 коробей, но в эту долю обложения включены и единичные дворы с посевами 4, 5, 6, 11, 12, 13, 20, 50 коробей. Во дворах, положенных в 2,5 обжи, основная масса сеет от 8 до 12 коробей, но здесь также есть единичные дворы с посевами 7, 13, 14, 15 коробей. Хозяйства с меньшей или большей запашкой явно выбиваются из общего ряда. Возможно, здесь речь идет о некоторых случаях льготного обложения.

Сравним крестьянские хозяйства с одинаковыми посевами в коробьях, положенные в разные доли обжи в Шелонской пятине. Полуобезный двор с посевом 3 коробыи в среднем на обжу высевает 5,6 коробыи, однообезный двор с таким же посевом — 2,9 коробыи, полуторообезный двор — 2 коробыи, двухобезный — 1,5 коробыи. В остальных долях обжи дворы с такими посевами отсутствуют. Количество мужских душ во дворах с посевом 3 коробыи колеблется: 0,5 обжи — 1,2 м.д., 1 обжа — 1,3 м.д., 1,5 обжи — 1 м.д. (всего один двор), 2 обжи — 1 м.д. (также один двор). В целом, расходы зерна в этих дворах оказываются одинаковыми — 84 пуда.

Зерновой бюджет крестьянских дворов с посевом 3 коробыи оказывается также примерно одинаковым. В полуобезном дворе при урожайности сам-2 хозяйству не хватает от 51,2 до 47,6 пудов зерна, при урожайности сам-3 дефицит составляет от 18,5 до 11,2 пудов. В однообезном дворе с запашкой 3 коробыи при урожайности сам-2 в бюджете не хватает от 50 до 71,3 пудов зерна, при урожайности сам-3 — от 16,1 до 8,3 пудов. В единичном полуторообезном дворе при такой же запашке и урожайности сам-2 дефицит достигает 48,9—45 пудов, при урожайности сам-3 он сокращается до 13,8—6 пудов. В единичном двухобезном дворе мы имеем такие же показатели.

Обратим внимание на показатели крестьянских дворов с запашкой 5 коробей, положенных в разные доли обжи. Полуобезный двор с такой запашкой на обжу сеет 10 коробей, однообезный двор — 5 коробей, полуторообезный — 3,3 коробыи, двухобезный — 2,5 коробыи. В остальных доли обжи дворы с такой запашкой не положены. Количество мужских душ возрастает с ростом доли обложения: 0,5 обжи — 1 м.д., 1 обжа — 1,6 м.д., 1,5 обжи — 1,9 м.д., 2 обжи — 2,5 м.д. Закономерно возрастают и расходы двора от 84 до 144 пудов.

В то же время наблюдается следующая динамика зерновых бюджетов крестьянских хозяйств. В полуобезном дворе при урожайности сам-2 дефицит составляет от 25,5 до 19 пудов. При урожайности сам-3 после вычета семян и расходов на хозяйственные нужды остается

остаток в размере 33–46 пудов. В однообезном дворе с таким же посевом при урожайности сам-2 в зерновом бюджете ощущается недостаток в размере 37,5–31 пуда, при урожайности сам-3 зерновой бюджет имеет определенный резерв в размере 21–34 пуда. В полуторообезном дворе с запашкой 5 коробей и возросшим количеством душ в зерновом бюджете не достает от 61,5 до 55 пудов, при урожайности сам-3 возможен небольшой излишек зерна до 10 пудов. В двухобезном дворе вместе со значительным увеличением количества душ бюджет оказывается дефицитным. При урожайности сам-2 в нем не хватает от 85,5 до 79 пудов, при урожайности сам-3 дефицит сокращается до 27–14 пудов.

Сравним показатели крестьянских дворов, сеющих 7 коробей и положенных в разные доли обжи. В группе полуобезных дворов такие дворы отсутствуют. В однообезных дворах в среднем на двор приходится 1,7 м.д., в полуторообезных – 1,8 м.д., в двухобезных – 1,8 м.д., в единичном дворе, положенном в 2,5 обжи, – 2 м.д. Расходы на двор вырастают от 96 до 132 пудов.

Зерновой бюджет в однообезном дворе с посевом 7 коробей при урожайности сам-2 имеет дефицит от 38,1 до 29 пудов, при урожайности сам-3 в хозяйстве остается остаток в размере 43,8–62 пудов. В полуторообезном дворе при урожайности сам-2 дефицит также достигает 38,4–29 пудов, при урожайности сам-3 имеется резерв в размере 43,8–62 пудов. Такой же зерновой бюджет при урожайностях сам-2 и сам-3 будет и в двухобезных дворах. В единичном дворе, положенном в 2,5 обжи, при урожайности сам-2 дефицит достигает 50,1–41 пуда, при урожайности сам-3 – остаток зерна после вычета расходов на хозяйственные нужды и семена достигает 31,8–50 пудов.

Значительный интерес представляют дворы с запашкой 10 коробей, также положенные в разные доли обжи. Такие дворы в Шелонской пятине зафиксированы, начиная с полутора обез. В полуторообезном дворе, сеющем 10 коробей, на обжу высевается 6,7 коробьи, в двухобезном на обжу приходится 5 коробей, во дворе, облагаемом в 2,5 обжи, на обжу сеют 4 коробьи. Количество мужских душ во дворе, положенном в 1,5 обжи, составляет 2 м.д., в 2 обжи – 2,4 м.д., в 2,5 обжи – 2,4 м.д.

Зерновой бюджет при посеве 10 коробей при урожайности сам-2 в полуторообезном дворе имеет дефицит до 15 пудов зерна, при урожайности сам-3 в нем складывается резерв в размере 102–128 пудов. В двухобезном дворе с таким же посевом при урожайности сам-2 дефицит составляет 27–14 пудов, при урожайности сам-3 после вычета зерна на посев и хозяйственные нужды остаток достигает 90–116 пудов. Такой же зерновой бюджет складывается и во дворах, положенных в 2,5 обжи.

Таким образом, при сравнении зерновых бюджетов крестьянских дворов, положенных в разные доли обложения, выясняется, что тягло

распространяется достаточно равномерно. Большинство крестьянских хозяйств в каждой платежеспособной группе несет равное налоговое бремя, хотя имеются хозяйства, выделяющиеся по своим производственным показателям. Возможно, в данном случае речь может идти либо о льготном обложении, либо о еще довольно грубой работе архаичной системы «одабривания» земель.

Наши подсчеты показывают, что зерновые бюджеты крестьянских дворов возрастают пропорционально с ростом обложения, причем более платежеспособные дворы имеют не только большие валовые урожаи, но и больший по численности состав крестьянского двора. Поэтому и размер потребления хлеба в крестьянском хозяйстве оказывается соизмеримым с получаемым урожаем. Существенное значение при расходах бюджета и, судя по всему, при формировании его доходов, имеет число мужских душ в хозяйстве.

Нахождение крестьянских хозяйств с одинаковым посевом в разных группах по обложению может быть объяснено их разной производственной мощностью, от которой и зависит платежеспособность. Различие между ними будет проявляться в том случае, если урожайность в более платежеспособных группах будет выше и у них будут большие зерновые бюджеты, либо если крестьянскому хозяйству для получения такого же урожая, как в менее платежеспособных группах, необходимо будет обрабатывать меньшую по площади пашню, вкладывая меньшие затраты своего труда.

Московские писцы, оценивая потенциальную мощность крестьянских хозяйств, учитывали их способность к уплате налогов и дифференцировали их по налогообложению. Обезное обложение позволяло уравнивать между собой крестьянские хозяйства, имеющие разную производственную базу. В качестве объективных критериев при этом выступали качество земли и ее количество, а также количество мужских душ в хозяйстве.

Литература

1. *Абрамович Г.В.* Несколько изысканий из области русской метрологии XV–XVI вв. (коробья, копна, обжа) // Проблемы источниковедения. Т. 11. М., 1963.

2. *Абрамович Г.В.* Новгородские переписи конца XV и XVI вв. и их место во внутренней политике Русского централизованного государства. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1964.

3. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Т. 1. Л., 1971.

4. Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Т. 2. Л., 1971.

5. *Борисов Н.С.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М., 2005.

6. *Буров В.А.* К вопросу о новгородской обже // Прошлое Новгорода и Новгородской земли : Тез. докл. и сообщ. науч. конф. 14–16 ноября 1995 г. Новгород, 1995. С. 45–48.
7. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посюжного обложения Московского государства. Т. 1. М., 1915.
8. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посюжного обложения Московского государства. Т. 2. М., 1916.
9. *Владиславлев В.М.* Обжа // Журнал министерства народного просвещения. 1892. № 8.
10. *Горская Н.А.* Зажиточное крестьянство России до начала XVIII в. в трудах Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001.
11. *Горская Н.А., Милов Л.В.* Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. 1982. № 2.
12. *Греков Б.Д.* Что такое обжа? // Известия Академии наук СССР. Л., 1926. Т. 20. № 13–15.
13. *Загорский В.Ф.* История землевладения Шелонской пятины в конце XV и XVI веках // Журнал министерства народного просвещения. 1909. № 9.
14. *Кеппен П.* О потреблении хлеба в России // Оттиск из Журнала Министерства Внутренних Дел. 1840. Июнь.
15. *Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII–начало XVI в. М.–Л., 1965.
16. *Лаппо-Данилевский А.С.* Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области в XV в. // Журнал министерства народного просвещения. 1895. № 2.
17. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
18. *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957.
19. *Соколовский П.А.* Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877.
20. *Сергеевич В.И.* Древности русского права. Т. 3. Землевладение, тягло, порядок обложения. Изд. 2. СПб., 1911.
21. *Степанова Л.Г.* Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI столетий (уровень развития хозяйства). М., 2004.
22. *Степанова Л.Г.* Экономическое положение крестьян конца XV – начала XVI в. по данным новгородских писцовых книг: Опыт количественного анализа. Дисс. канд ист. наук. М., 2001.
23. *Флоря Б.Н.* Централизация и модернизация Русского государства во второй половине XV – первой половины XVI в. // Modernizacja struktur urladzy w warunkach oroznienu. Europa Strodkowa i Wschodnia na nrzelomie srediowiecza i czasow nowozyfnych. Warszawa, 1999.